

Новый договор СНВ и дальнейшие сокращения ядерных вооружений

Евгений Мясников, [Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ](#)

Стенограмма выступления на [Московской конференции по нераспространению](#), 4-6 марта 2010 г

Уважаемые участники конференции,

Известно, что в завершающей стадии находятся переговоры США и России по новому договору СНВ. Известно также, что заключению этого договора придается большое значение в связи с предстоящей обзорной конференцией по договору о нераспространении. Есть надежда, что новый договор СНВ будет подписан до ее начала, так как обе стороны рассматривают новое соглашение по СНВ как демонстрацию приверженности сторон статье 6 Договора о нераспространении.

В своем выступлении я хотел бы сосредоточить внимание на таких вопросах, как

- Какую роль может выполнить новый договор в контексте движения обеих сторон к «ядерному нулю»?
- Какие проблемы он может создать для следующего раунда сокращений ядерных вооружений?

По вполне понятным причинам общественности пока еще мало что известно о содержании и особенностях нового договора. Однако, известен текст документа, подписанного президентами США и России в июле прошлого года в Москве. Этот документ называется «Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений». Кроме этого, в средствах массовой информации появлялись отдельные высказывания официальных лиц, а также лиц, по-видимому, достаточно хорошо осведомленных о содержании переговоров.

Анализ этой доступной информации позволяет сделать определенный вывод. Новый договор не будет обязывать стороны делать какие-либо дополнительные сокращения своих стратегических наступательных вооружений. В тексте «Совместного понимания» ограничения в 1500-1650 ядерных боезарядов и 500 – 1100 стратегических носителей можно понимать по-разному. Вероятнее всего, речь идет о новых определениях таких терминов как «стратегический ядерный боезаряд» и «стратегический носитель». Новые определения будут отличаться от определений старого Договора СНВ-1. И, если это так, то предстоящие сокращения будут обратимыми, и точнее было бы их назвать понижением оперативной боевой готовности. Иными словами, вероятнее всего, объявленными ограничениями будут охватываться лишь оперативно-

развернутые ядерные боезаряды, и лишь те носители, которые будут нести эти самые оперативно-развернутые ядерные боезаряды.

Если дела обстоят таким образом, то новый договор не будет ломать сложившиеся тенденции в развитии стратегических сил США и РФ. Более того, как известно, обе стороны планируют модернизировать стратегические наступательные вооружения в будущем. Очевидно, стратегические ядерные силы сторон в перспективе будут более компактными, но превосходящими нынешние по качеству. Новый договор лишь зафиксирует более низкие потолки, к которым стороны пришли бы, сокращаясь и в одностороннем порядке.

В чем же тогда роль нового договора? По-видимому, в том, что процесс сокращений СНВ окажется транспарентным и предсказуемым. Ранее эту роль играл договор СНВ-1. И в этом смысле новый договор будет безусловно необходимым и важным шагом вперед.

Однако, представляется, что значение нового договора, прежде всего заключается в том, чтобы он смог обеспечить условия для конструктивного взаимодействия России и США на ближайшие несколько лет по широкому спектру проблем, включая и проблемы контроля над ядерными вооружениями. Важно, чтобы новый договор оказался своеобразной **прелюдией** к предметному разговору о путях дальнейших **реальных**, а не «бумажных» сокращений. И его следует оценивать с той точки зрения, в какой мере он будет способствовать дальнейшему двухстороннему диалогу, чтобы последний оказался конструктивным.

Диалог этот не обещает быть простым. И ясно, что, если он последует, то неизбежно предметом переговоров станут не только стратегические наступательные вооружения, но также и **нестратегические ядерные вооружения, противоракетная оборона**, а также **стратегические высокоточные вооружения**. Важным будет учет всех этих факторов, которые опережают стратегическую стабильность. Представляется, что в отрыве от них дальнейшее продвижение по пути сокращений стратегических наступательных вооружений невозможно.

Из упомянутых тем мне бы хотелось подробнее затронуть тему стратегических высокоточных вооружений, поскольку наши зарубежные коллеги не всегда понимают российские озабоченности и адекватно на них реагируют.

В чем состоит проблема? Хотим мы того или нет, но в ближайшем десятилетии определять характер взаимоотношений России и США будет взаимное ядерное сдерживание. Обе стороны продолжают оставаться скованными прежними парадигмами, которые определяют структуру и состав ядерных вооружений. Рассматривая условия для дальнейшего сокращения СНВ, стороны будут исходить из того, что во главе угла, по-прежнему, будет находиться критерий выживаемости перспективных стратегических сил в условиях любого мыслимого сценария развития событий. И этот вывод прежде всего справедлив по отношению к России, где на протяжении уже почти двух десятилетий выживаемость стратегических сил подвергается сомнениям.

Как полагают российские военные, угрозу для выживаемости перспективных ядерных сил, могут представлять не только стратегические ядерные вооружения и противоракеты потенциального противника, но и обычные вооружения, прежде всего те, что размещены на стратегических носителях и обладают высокой точностью. Некоторые российские эксперты полагают, что существующие технические характеристики высокоточного оружия США уже позволяют использовать его для превентивного уничтожения объектов стратегических ядерных сил. Их опасения усиливаются и в связи с тем, что США предполагают использовать высокоточное оружие для решения ряда задач, для которых ранее планировалось применять ядерное оружие. В отношении высокоточного оружия между США и Россией существует дисбаланс, и в перспективе он будет усиливаться. По этой причине ВТО способно оказаться одним из главных препятствий на пути осуществления глубоких сокращений ЯО.

Любопытно, что призыв президента Обамы к ликвидации ядерного оружия на планете был воспринят многими российскими специалистами как стремление США обеспечить свою стратегическую неуязвимость и вести более агрессивную внешнюю политику, поскольку США обладают подавляющим превосходством в обычных вооружениях по сравнению с остальными государствами.

Возможно, тот факт, что нашим американским коллегам зачастую не понятна обеспокоенность России можно объяснить тем, что на протяжении последних 20 лет в США отсутствовала какая-либо дискуссия о выживаемости СНВ. Ведь считается самым собой разумеющимся, что стратегические силы США неуязвимы хотя бы потому, что есть стратегические подводные лодки.

Как приступить к решению этой проблемы? Для начала, может быть имеет смысл вспомнить, что прежние договоренности по СНВ, как известно, содержали ограничения на стратегические вооружения обычного типа и устанавливали над ними контроль. В частности, известно, что договор СНВ ограничивал баллистические ракеты вне зависимости от того, несут они обычные или ядерные боеголовки. Ограничениям, контролю и инспекциям подлежали также стратегические подводные лодки, переоборудованные под крылатые ракеты морского базирования (КРМБ) большой дальности, а также тяжелые бомбардировщики (ТБ), ядерные задачи с которых были сняты.

Опасность состоит в том, что контрольный механизм нового договора может оказаться менее транспарентным, нежели прежний. И дело даже не в том, что новая система верификации, по-видимому, не будет включать процедур непрерывного мониторинга предприятий по производству мобильных МБР или обмен телеметрической информацией по испытательным пускам ракет в том объеме, как предусматривалось в прежнем договоре.

Логика текста «Совместного понимания» позволяет предположить, что меры верификации в новом договоре будут распространяться лишь на те боезаряды и носители, которые будут ограничиваться. То есть речь об «оперативно-развернутых» ядерных боезарядах и связанных с ними носителях (или

«оперативно-развернутых» стратегических носителях). Но тогда стратегические носители, которые не будут являться оперативно-развернутыми, т.е. не будут де факто нести ядерного оружия, окажутся вне контроля. Например, новый контрольный механизм, по-видимому, не будет распространяться на

- 4 атомных подводных лодок типа «Огайо», переоборудованные в носители крылатых ракет морского базирования большой дальности,
- около 80 тяжелых бомбардировщиков В-1В, ядерные задачи с которых сняты
- значительную часть бомбардировщиков Б-52

В средствах массовой информации довольно часто упоминается, что лимит в 750-800 стратегических носителей может оказаться наиболее вероятным компромиссным вариантом в новом договоре. По-видимому, такое предположение имеет основания. Однако, рискну высказать довольно крамольную мысль. Лимит на количество стратегических носителей в 1100 единиц, возможно, оказался бы более благоприятным вариантом, нежели лимит в 800 единиц. Конечно же, это было бы справедливым лишь при условии, что удалось сохранить «старые» определения по отношению к стратегическим носителям, фигурировавшие ранее в Договоре СНВ-1. В таком случае новый верификационный механизм охватил бы все стратегические носители вне зависимости от типа их оснащения и тем самым, отчасти смог бы снизить российские озабоченности в отношении неядерных стратегических вооружений.

Позвольте мне на этом остановиться. Буду рад ответить на вопросы.